

вится очевидным, что самый обсуждаемый вопрос – образовательные стандарты нового поколения – это очередная обоснованная попытка совершенствования «учебного плана человечества, который является лейтмотивом образования и к которому надо стремиться» [10, с. 166].

Проблемы успешной социализации человека неизбежно замыкаются на том, способствует ли получение хорошего образования позитивному отношению человека к миру, изменению его мышления, ориентированного на вечные ценности. В конечном итоге это должно позволить человеку достичь состояния, при котором он мог бы свободно пользоваться результатами полученного образования.

Э. Фромм отмечает: человек – не чистый лист бумаги, на котором культура пишет свои письма; он – существо, наделенное энергией и определенным образом организованное, которое в процессе адаптации вырабатывает специфические ответные реакции на воздействие внешних условий [9, с. 36]. Каков характер этих воздействий и как они отражаются в облике исторической модели культурного человека? Ответ на этот вопрос дает философия, которая, прогнозируя будущее образования, ставит вопрос о его новом статусе и стратегии развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г. Философия права. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
2. Иванова А. А. Русская классическая философия от Ф. М. Достоевского к И. А. Ильину. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – 110 с.
3. Коджаспирова Г. М. Педагогическая антропология. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
4. Краевский В. В. Науки об образовании и наука об образовании // Вопр. философии. – 2009. – № 3. – С. 77–82.
5. Куликов В. Б. Педагогическая антропология: истоки, направления проблемы. – Свердловск, 1988. – 192 с.
6. Ойзерман Т. И. Философия как история философии. – СПб. : Алетей, 1999. – 447 с.
7. Педагогическое наследие. – М. : Педагогика, 1988. – 416 с.
8. Платон, Федон, Пир, Федр, Парменид / под ред. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1999. – 528 с.
9. Фромм Э. Человек для самого себя / пер. с англ. – М. : АСТ, 2010. – 349 с.
10. Tomlinson J. Policy and Governance // Tomorrows Schools – Towards Integrity / Ed. by Chris Watkins Caroline Lodge and Ron Best. – L; N. Y. : RoutledgeFalmer, 2000. – 182 с.

УДК 13 + 37.0 + 316.7

КОНСЕРВАТИЗМ И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ПРИЗНАКИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Григоров (Барнаул)

Статья посвящена анализу системы образования как стабилизирующего фактора в развитии общества. Для выполнения этой функции рассматриваемая система должна быть консервативна и традиционна. Для того, чтобы развитие общества было стабильным, элита долж-

на быть консервативной, а для того, чтобы государственная система соответствовала духу народа, элита должна быть традиционалистской. Консерватизм как феномен исторической мысли (консервативная теория) и консерватизм как политическое явление (консервативная идеология) все больше расходятся. От этих понятий отличается понятие консервативности как подсознательной психологической склонности к существующему, к статус-кво.

Ключевые слова: консерватизм, традиционализм, традиция, элита, система образования.

CONSERVATISM AND TRADITIONALISM AS ESSENTIAL FEATURES OF THE EDUCATIONAL SYSTEM

E. V. Grigorov (Barnaul)

The article is devoted to the consideration of the educational system as a stabilizer in the society development. This system needs to be conservative and traditional to fulfill its function in the society. In order for the society to be stable, its elite should be conservative. In order for the state system to be close to people's mind, the elite should be traditional. Conservatism as a phenomenon of historical development and conservatism as a political ideology diverge more and more. The phenomenon of conservatism (ossification) as a psychological attitude to any existing thing and status quo stands apart from the notions considered above.

Key words: conservatism, traditionalism, tradition, elite, educational system.

Система образования призвана поддерживать стабильность в обществе и является фактором, стимулирующим его развитие. На базовом уровне основными целями школы являются воспитание гражданина в традициях государства и наделение его необходимыми знаниями для овладения им в дальнейшем выбранной профессией. Для устойчивого развития общества здесь необходим жесткий идеологический контроль со стороны государства.

Высшая школа, напротив, должна обладать широкой автономией и возможностью распространения свободомыслия. Интеллигенция часто выступает на стороне революции: «но правда и то, что со временем интеллектуалы смещаются влево» [1, с. 5]. И хотя сама по себе разрушительная деятельность интеллектуалов не опасна, «есть много стран (я имею в виду США, а также обширные азиатские регионы), в которых интеллектуалы никогда не играли значимой роли в политике. Опыт России, Восточной Европы, Франции и в меньшей степени одной или двух стран Латинской Америки, где интеллектуалы играли важную, а иногда критическую роль

Григоров Евгений Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России.

656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

E-mail: grigorovev@mail.ru

в демократических дискуссиях и действительно служили примером, – опыт нетипичный. Более типична Британия или, наверное, Индия, где много интеллектуалов, увлеченных политикой, но они слабо влияют на политику, общаясь в основном друг с другом» [1, с. 4]. Они оказывают на общество наибольшее влияние именно через систему образования. Активность интеллигенции в условиях консервативного общества является фактором, способствующим развитию общества. Когда общество нестабильно, деятельность интеллектуалов несет разрушение. В обществе, где сильна традиция, где граждане чувствуют свою коллективную идентичность, чужое заимствуется с пользой для собственного развития, там же, где коллективная идентификация разрушена, чужое усиливает деструкцию общества.

Одна из основных задач системы образования – воспроизводство элиты общества. В зависимости от того, что это будет за элита, определяется социально-политическое развитие. Для того, чтобы это развитие было стабильным, элита должна быть консервативной, а для того, чтобы государственная система соответствовала духу народа, элита должна быть традиционалистской.

Таким образом, система образования обязательно должно обладать такими качествами, как консервативность и традиционность. Причем уровень образованности в обществе и политическая ориентация интеллигенции не имеют определяющего значения для общественного развития, однако влияют на условия, в которых действует политическая элита. Уровень образования населения более важен в демократических обществах. «Исторически существует тесная связь между демократией и повышением уровня общей грамотности и уровнем базового образования. Чем больше людей понимают, каким образом ими управляют и какие возможности у них есть, тем меньше вероятности, что они будут “просто” принимать инструкции сверху, и тем меньше вероятности, что будет отсутствовать социальная мобильность» [1, с. 4].

Социальная активность является фактором дестабилизирующим, если для нее нет условий. Распространение просвещения часто активировало революционные процессы, поэтому многие консерваторы видели угрозу в распространении образования.

Анализируя понятия консервативного и традиционного образования, мы часто встречаем их негативную оценку, так как для современной России эти категории связаны с советским строем. Однако этот негатив определяется неразработанностью понятий «консерватизм» и «традиционализм» и неверным пониманием их взаимодействия. Мы считаем, что, разрушая традиционную систему образования, мы разрушаем традиционную элиту, а тем самым и традиционную российскую государственность.

Мечта мыслителей эпохи Просвещения о том, что всеобщее образование станет основой разумно устроенного общества, не осуществилась. Философия и наука, став доступными каждому представителю западной цивилизации, на практике все сильнее отрываются от массового сознания. Теоретические знания актуальны только для интеллектуальной элиты, сообщества ученых, причем вследствие дробления наук и увеличения количества выпускаемой научной продукции координация различных форм знания ослабляется. В социологии XX в. термины «прогресс», «эво-

люция» и даже «развитие» повсеместно заменяются понятием «социальные изменения», но в политической теории и истории продолжает бытовать представление о социальном прогрессе, иногда в более мягкой форме – о социальной эволюции. Тем более это относится к взглядам политических деятелей, которые, за редким исключением, не выходят за рамки массового сознания, являясь носителями общей мифологии современности.

В таких условиях консерватизм априори приобретает негативный оттенок, поскольку ассоциируется со старым, отжившим и противостоит новому, лучшему. Инновации образования полезны лишь тогда, когда существует самобытная устойчивая система образования. Если же она разрушается до основания, то инновации, соединенные с инновациями, порождают химеру. Нельзя допустить, чтобы понятие «инновации» стало антиподом традиции и консервативности. Консерватизм и традиционализм в образовании должны восприниматься как позитивные элементы. Для этого данные термины необходимо окончательно прояснить.

Проблема определения консерватизма, отмеченная во многих исследованиях, имеет как реальные основания, так и основания, связанные с «неправильным использованием слов». Мы ставим перед собой задачу отбросить проблемы надуманные и попытаться решить проблемы реальные.

В современной науке, как отечественной, так и мировой, существует множество определений консерватизма. Во многих работах данный термин используется не критически, но есть обширная историография, где вопрос его определения рассматривается специально [2–7]. Существуют классификационные схемы, касающиеся как самого понятия «консерватизм», так и подходов к его определению. Трудности, связанные с дефиницией консерватизма, можно разделить на несколько групп.

1. *Проблемы использования слова «консерватизм»*, решение которых носит технический характер, здесь нет предмета для дискуссий. Использование знаков в языке осуществляется по правилам, разработанным в семиотике и логике, их мы не можем игнорировать в научном исследовании. Слово – это всего лишь имя, знак предмета мысли, а не понятие, нуждающееся в определении. Имя связано с предметным значением только через смысл или смысловое содержание. Предметное значение имени – это объекты, которые обозначаются именем, смысл имени – это свойства, присущие поименованным объектам. Понятие как раз и составляет смысл имени – связывает имя с тем объектом, который оно должно представлять как знак языка. Если не выявлен смысл имени, то оно не выражает понятия.

Соблюдение принципов и правил именования снимает часть вопросов, затрудняющих операцию определения понятий. Прежде всего это относится к полисемии (многозначности) слов. Например, слово «консервативный» может обозначать «строгий» (строгий костюм – консервативный костюм), «сдержанный» (сдержанное поведение – консервативное поведение), «осторожный», «умеренный» (осторожный, умеренный прогноз – консервативный прогноз), «традиционный» (философия традиционализма – философия консерватизма), «охранительный» (охранительные идеи – консервативные идеи), «ретроспективный» (ретроспективная утопия – консервативная утопия). Не менее значимым является смешение экстен-

сионального способа употребления имени с интенциональным. В первом случае мы под именем подразумеваем предметы со всеми их возможными качествами, свойствами и отношениями, во втором – предмет мыслится с какой-то определенной стороны [9, с. 82]. Например, истинные утверждения: «Консервативная идеология – это идеология сохранения существующего строя» и «консервативная идеология – это идеология самодержавия» по принципу взаимозаменяемости должны привести к истинности утверждения: «Идеология сохранения существующего строя – это идеология самодержавия» но, очевидно, данное высказывание ложно.

Таким образом, проблема определения консерватизма связана зачастую не с самим явлением, а с неправильным употреблением данного слова.

2. *Проблема разного содержания, конкретных черт политического консерватизма, проблема комплекса консервативных идей.* Формирование данной проблемы связано с анализом исторических форм консервативных идеологий. В XIX в. термин «консерватизм» с легкой руки Р. Шатобриана становится популярным. Его используют различные политические силы для характеристики своих политических программ и программ своих противников. Первоначально данный термин связывается с английской партией тори, но ценности, которые они защищали и которые защищал «новый виг» Э. Бёрк, родоначальник консерватизма Нового времени, не были ценностями феодализма и средневековья, что было характерно для континентального консерватизма Ж. де Местра и Л. де Бональда. Поэтому очень важно дать определение «чистому» консерватизму – консерватизму как идеальной схеме, чтобы с помощью ее анализировать его исторические формы. Становится очевидным, что общее определение консерватизма через перечисление признаков (в роли которых выступают идеи и ценности) невозможно, во всяком случае исходя из его исторических форм.

В современной научной литературе по поводу перечня консервативных ценностей сложились две точки зрения: а) общего содержательного определения консерватизму дать нельзя [7; 10]; б) общее содержательное определение консерватизму дать можно [8; 11]. Те ученые, которые не считают возможным содержательное определение, предлагают ситуативный подход к проблеме [6; 8]. Для них консерватизм – это «политическая идеология, которая нацелена на обоснование, охранение, укрепление и развитие существующего в настоящий момент порядка вещей («строя»)». Ситуативного определения требует лишь «консерватизм вообще», как, например, «реформизм вообще», а конкретные исторические типы консерватизма имеют четкое содержание, авторов и часто свое наименование. Неспособность ситуативного подхода дать определение политическому консерватизму проявляется еще и в том, что любая политическая сила после прихода к власти ставит своей целью ее сохранение.

В рамках второй точки зрения чаще всего перечисляют следующие признаки: традиционализм, антирационализм, антииндивидуализм, историзм, органическая теория государства, отношение к человеку как к несовершенному существу, необходимость неравенства и иерархии, эволюционизм, национализм, патриотизм, религиозность, этатизм, культ семьи, школы, армии, церкви. Еще одна попытка дать содержательное определе-

ние консерватизма связана с представлением о вечных, универсальных ценностях. Консерватизм – это «политическая философия, ориентированная на защиту традиционных устоев общественной жизни, незабываемых ценностей и противостоящая резкому обновлению, радикальным новациям» [3, с. 60]. Если такие ценности существуют, то консерватизмом будет идеология, которая отстаивает эти ценности независимо от эпохи и страны. Однако мыслители не пришли к общему мнению о том, что считать вечными ценностями.

3. *Проблемы соотношения понятия «консерватизм» с понятиями «традиция», «традиционализм», «реакция», «правые».* Эти понятия часто отождествляют с консерватизмом, но, во-первых, они сами не имеют четкого содержательного определения; во-вторых, в некоторых контекстах их содержание противоположно содержанию консерватизма. «Классическая трактовка традиционализма принципиально ничем не отличается от трактовки консерватизма», – пишут И. Медведева и Т. Шишова [12]. Развитие научной теории обусловлено методологией, предшествующими исследованиями, способностями ученого, необходимостью соблюдать логическую последовательность и непротиворечивость. Развитие политической идеологии определяется необходимостью захвата власти, состоянием экономики, особенностью социально-политической структуры общества. Идеология должна влиять на чувства людей, поэтому в ней возможно отступление от логики, заключение временных союзов с близкими (и не очень) политическими силами. Естественно, консерватизм как феномен исторической мысли (консервативная теория) и консерватизм как политическое явление (консервативная идеология) все больше расходятся. От этих понятий отличается понятие консервативности как подсознательной, психологической склонности к существующему, к статус-кво. Также необходимо видеть разницу между традиционализмом как научной теорией (например, по мнению М. М. Федоровой, «идеология традиционализма направлена не столько на сохранение определенного общественного состояния, сколько на его реконструкцию на принципиально иных началах, нежели предлагаемые общественным проектом модернизма, воплощенном в либеральной идеологии», «в этом отношении понятие традиционализма шире, на мой взгляд, чем понятие консерватизма, поскольку включает в себя мощный культурно-философский пласт» [14, с. 144]) и традиционализмом как идеологией (Е. Шацкий назвал идеологическим традиционализмом – осознанным, осмысленным следованием традиции; и традиционализмом как автоматическим, нерелефлирующим, подсознательным следованием традиции). Последний вид можно назвать традиционностью, а первые два – традиционалистской теорией и традиционалистской идеологией соответственно. Традиция – это значимая, оцениваемая часть исторического наследия [13, с. 131], а все вышеперечисленные феномены, начиная с консервативной теории и заканчивая традиционностью, оперируют ею. На этом фоне становится понятной вся сложность соотношения между собой приведенных дефиниций.

Консервативная теория строится на основе обобщения конкретных консервативных идеологий. Именно консервативная идеология всегда конкретна, а консервативная теория есть абстрактная модель, плод науч-

ного изыскания. Ее содержание составляют признаки, взятые из разных политических концепций, и нет ни одной политической идеологии, которая полностью бы соответствовала данной модели. В рамках работы над консервативными идеологиями возникают представления о ситуативном или содержательном консерватизме, возможности или невозможности интегрального определения, классификации консервативных учений о признаках консерватизма, то есть строится консервативная теория. В свою очередь консервативная идеология на современном этапе использует консервативную теорию для обоснования собственных положений, но импульс, рождающий консервативную идеологию, заключен не в теории, а в политической, социальной и экономической практиках.

Консервативная теория часто приравнивает традиционалистские идеологии к консервативным, и на этом отождествлении рождаются представления о том, что консерватизм может быть наступательным. Появляются такие понятия, как «утопический консерватизм», «консервативная революция», «реакционный консерватизм». Все эти явления – виды традиционализма, а не консерватизма, они отстаивают традиционалистские ценности, а не консервативные принципы. Традиционалистские идеологии относятся к консервативной теории примерно так же, как и консервативные идеологии, но используют другие положения теории.

Консервативная теория рассматривает традиционность и традицию как теоретические концепты без их конкретного содержания. Традиционность – это лишь психологическая склонность человека, традиция – социальная склонность общества. Консервативность для теоретического консерватизма выступает важнейшим средством антропологического обоснования необходимости сохранения существующего порядка.

Для консервативной идеологии традиция всегда конкретна и необходима как средство для обоснования желательности сохранения существующих институтов; традиционность же выступает как необходимое качество для принятия ценности традиции, то есть как средство для достижения средства. Каждая традиция имеет определенное содержание, импульс развития и логику изменения. Консервативная идеология есть жесткая рациональная конструкция, схема, которая не может не только вместить в себя все разнообразие традиций, но и не может следовать за изменением одной традиции, не приходя к внутренним противоречиям. Даже консервативная теория более склонна к изменениям, так как разум хитроумен и легко может выдать «черное за белое», пользуясь диалектическим законом единства противоположностей. Идеология же, меняющая ценности, становится другой идеологией. Именно из анализа данного взаимодействия родилось представление в консервативной теории о ситуационном консерватизме и невозможности содержательного определения. «Консервативные направления мысли, оставаясь едиными в признании традиции как принципа, резко расходятся в момент выбора конкретной традиции, вплоть до полного противостояния» [13, с. 134]. Консервативная теория, оставаясь единой в признании традиции как принципа, резко дробится, переходя на уровень консервативных идеологий.

Консервативная идеология использует традиционалистскую теорию в служебных целях, однако лишь в том случае, когда традиционалистские

ценности не расходятся с консервативными. С помощью нее идеологи консерватизма апеллируют к психологии человека, исторической памяти, примордиальной традиции, голосу крови и т. д. Также и традиционалистская теория строится на конкретной консервативной идеологии, рассматривает ее как конкретное явление социальной действительности на определенном этапе развития общества и либо включает ее в свое содержание как согласующуюся с традицией, либо нет как противоречащую традиции. Для консервативной идеологии консервативность человека является незаменимым качеством, позволяющим рекрутировать себе сторонников.

Поскольку консервативные и традиционалистские идеологии всегда конкретны, они могут совпадать друг с другом полностью или частично либо противоречить друг другу. Консервативная и традиционалистская идеологии в конкретной исторической ситуации часто не различаются, хотя у них совершенно разные основания. Человек становится консерватором, исходя из желания сохранить существующие социально-политические институты. Защитника традиции привлекают не сами эти институты, а их соответствие логике традиции, и если новое соответствует этой логике, то они принимают его.

Отождествление понятий «консерватизм» и «реакция» также не может считаться удовлетворительным. Данная проблема в отечественной историографии носила скорее этический, чем политический характер: все консерваторы были реакционерами, ставившими палки в колеса прогресса. «Зачастую считалось, что “консервативного творчества” быть не может, поскольку основной идеей консерватизма является приверженность ко всему отжившему и вражда ко всему новому и передовому» [5, с. 4]. Реакционеры, как и революционеры, хотят перестроить общество по идеальной схеме, только их идеалы находятся в прошлом, причем часто не в историческом, а в идеальном. С нашей точки зрения, к ним приложим термин «ретроспективные реформаторы».

Что же касается термина «правые», то он носит более широкий характер и отождествление с ним понятия «консерватизм» как раз связано с расплывчатостью содержания последнего. «К правым могут относиться и либералы, и даже радикалы, то есть любой консерватор – “правый”, но не любой “правый” является консерватором» [5, с. 9–10].

Российская цивилизация за весь период своего существования выстраивала собственную оригинальную систему образования, и даже период существования СССР не поколебал основных ее устоев. Логика развития Российской империи определяла развитие «Советской империи». «Объединить, железом и кровью объединить всех славян в сверхмогучее государство – вот исконная и великая задача, которую не сумели выполнить Романовы и что суждено сделать другим – более великим людям... [15, с. 147–148]. «Ах, как я был бы счастлив: дожить бы, когда этот великий, нет – величайший человек! – поймет полностью свою задачу, станет основателем новой русской династии — Иосифом первым!.. [15, с. 148]». Эти мечты принадлежат монархисту М. С. Роцаковскому, и делился он ими, сидя в тюрьме. Защита советской системы образования связана не только с ее достижениями, но и с ее включенностью в российскую традицию. Можно отвергать советское прошлое, но в нем необходимо видеть

элементы, характерные для всей российской истории. «Прежняя российская культура – и феодальная, и социалистическая – была в основном культурой стремлений, а не осуществлений, культурой “к”, а не “с”» [16].

Современная реформа образования нарушает традицию, выстраивает новую систему, базируясь на чуждой нам логике. Введение тестов в США, например, было вынужденной мерой, попыткой свести воедино разные традиции в образовании, поскольку переселенцы строили школу по опыту тех стран, из которых эмигрировали. У нас же образование всегда было строго централизованным, поэтому переход к заведомо слабой системе выглядит, по меньшей мере, странно.

Современный переходный период в нашей стране характеризуется как «эпоха структурных изменений в организации общества» [17, с. 7] и требует, прежде всего, встраивания новых социально-политических институтов в логику традиции государственного строительства России. Пока общество консервативно и традиционно, оно сдерживает неразумную активность элиты, и сохранить такое состояние общества – важнейшая задача системы образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Джадт Т.** Университет как плацдарм и спасение // Пушкин. – 2010. – № 2. – С. 3–5.
2. **Консерватизм** как течение общественной мысли и фактор общественного развития : материалы «круглого стола» // Полис. – 1995. – № 4. – С. 33–59.
3. **Гарбузов В. Н.** Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. – 1995. – № 4. – С. 60–68.
4. **Пайпс Р.** Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры ; пер. с англ. – М. : Новое издательство, 2008. – 252 с.
5. **Репников А. В.** Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков) : монография. – М. : Готика, 2006. – 424 с.
6. **Чернавский М. Ю.** Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на юге России. Южнороссийское научное обозрение. – Ростов н/Д, 2002. – Вып. 9. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://conservatism.narod.ru/chernav/chernav.html>.
7. **Дугин А. Г.** Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. – 2009. – № 4. – С. 7–15.
8. **Попов Э. А.** Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2005. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/popov/01.php.
9. **Войшвилло Е. К., Дегтярёв М. Г.** Логика. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 528 с.
10. **Григоров Е. В.** Иррациональные элементы русского консерватизма // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма : сб. статей. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – Т. 1. – С. 96–102.
11. **Гусев В. А.** Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. – Тверь, 2001. – 235 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://conservatism.narod.ru/gusev/gusev.html>.
12. **Медведева И., Шишова Т.** Консерватизм и традиционализм в контексте постмодерна. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ucheba.ru/referats/5482.html>.
13. **Гусев В. А.** Консервативные идеологии // Социологические исследования. – 1994. – № 11. – С. 129–135.
14. **Федорова М. М.** Традиционализм как антимодернизм // Полис. – 1996. – № 2. – С. 143–160.

15. Разгон Л. Э. Плен в своем отечестве. – М. : Кн. сад, 1994. – 426 с.
16. Эпштейн М. Н. Дар слова. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar6.html>
17. Кондратьев В. М., Матронина Л. Ф. Образование в эпоху перемен // Философия образования. – 2009. – № 1 (26). – С. 6–11.

УДК 13 + 17 + 37.0 + 316.7

ФИЛОСОФИЯ СОЗЕРЦАНИЯ ДЛЯ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Тебенькова (Курган)

В статье рассматривается созерцание как философская категория: показано место созерцания в структуре бытия и познания, определены уровни созерцания. Гуманистический потенциал определен через значение созерцания для обретения целостности человека, преодоления отчуждения, деятельной основы созерцания. Сделан вывод о необходимости включения созерцания как метода познания в процесс образования.

Ключевые слова: *гуманизация образования, деятельность души, познание, созерцание, глубинное общение, деятельное движение, продуктивная любовь.*

PHILOSOPHY OF CONTEMPLATION FOR HUMANIZATION OF EDUCATION

E. A. Tebenkova (Kurgan)

In the article, contemplation as a philosophical category is considered: the place of contemplation in the structure of life and knowledge is shown, the levels of contemplation are determined. The humanistic potential is defined through the importance of contemplation for finding integrity of the person and overcoming alienation. A conclusion is made about the necessity of inclusion of contemplation as a method of cognition in the process of education.

Key words: *humanization of education, activity of the soul, knowledge, contemplation, deep dialogue, active movement, productive love.*

Существенным недостатком современной отечественной философии образования, пережитком, оставшимся от классической новоевропейской рациональности, является доминирование сциентистского представления о сущности человека, которое ограничивается биосоциальной природой, игнорируя (или отрицая) метафизические учения о его душе и духе, глубинной связи человека и природы. Однако, веками рассуждая о гуманиз-

Тебенькова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, руководитель Центра развития образования Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области.
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
E-mail: eashu@mail.ru